

ВЕЧНО МОЛОДОЙ

К 60-летию со дня рождения
Аркадия ГАЙДАРА

Однажды, когда первые заморозки уже одели леса в буйный багрянец, а вода в Днепре стала кристаллически чистой, довелось мне вместе с моим старым другом — украинским писателем предпринять путешествие на знаменитую Чернечью гору, где погребен Тарас Шевченко. Вместе с экскурсантами, которых, несмотря на позднюю осеннюю пору, сошло на берег немало, мы поднялись на днепровскую кручу, осмотрели музей, положили цветы в подножии памятника Великому кобзарю и повернули было уже назад, когда мой спутник решительно взял меня за руку.

— Нет, нам нельзя уходить.

По дорожке, протоптанной через песок множеством ног, он привел меня на небольшую полянку, к маленькому холмику, над которым возвышался скромный памятник. Молодые березы, обступив его, низко склоняли свои, огненно-рыжие по случаю осени, головы. «Аркадий Гайдар» — было вырезано на камне. Траву вокруг могилы густо осыпал белесый ивней. На нем четко отпечатывались следы детских ног. На самом холмике кто-то положил букетик последних полевых цветов. Они лежали свежие, не тронутые инеем, должно быть, только что принесенные теми, чьи следы виднелись на траве.

— Бачите? — спросил меня мой друг, показывая на эти цветы, и я почему-то ответил ему на звучном его языке: «Вачу...»

И вот здесь, на днепровской круче, где дружеские руки невадалеке от могилы великого украинца погребли этого, такого до мозга костей русского человека, я как-то с особой остротой задумался о жизни Аркадия Гайдара, о

короткой, славной, героической жизни, оставившей в литературе нашей столь своеобразный и глубокий след.

В жизни я никогда не встречал Аркадия Гайдара, но хорошо знал и любил его. Я знал его по его молодым, свежим, задорным, чистым, увлекательным книгам, которые читал с невольным мальчишеским интересом, пребывая уже не в мальчишеском возрасте. Удивительные книги об удивительных приключениях удивительных маленьких людей, написанные, однако, так, что, несмотря на всю эту удивительность, веришь каждому слову. И вскоре увлекаешься, больше того — увлекаешься, будто бы сам волшебным помолодев, становишься даже не свидетелем, а участником всех описываемых историй.

Читаешь его книги, и кажется, что где-то рядом он сам — крепкий, ладный, высокий человек в гимнастерке, туго перехваченной военным ремнем, широколицый, светловолосый, ясноглазый, с доброй улыбкой и обязательно с хитринкой в глазах. Стоит и рассказывает, увлекая и сам увлекаясь, заставляя переживать и сам переживая, волнуясь, радуясь и негодуя, веря в свое повествование. Он был бойцом, романтиком и мечтателем, и таковы же все его книги. И так же, как герои его книг, ставшие сейчас любимыми героями наших детей и подростков, автор был в жизни храбр, правдив, честен, смел, справедлив и самоотвержен.

Мало найдется среди писателей людей с такой биографией, как у Гайдара. Кто может сказать, что тринадцати лет

получил он от большевиков винтовку, четырнадцати — ушел в Красную Армию, в четырнадцать с половиной —

командовал ротой, в семнадцать — командовал полком, сражавшимся против антоновских банд? Вот почему его книги «РВС», «Четвертый блиндаж», «Школа», сделавшие впоследствии из демобилизованного по болезни красного командира Аркадия Голыкова знаменитого детского писателя Гайдара, несмотря на необычность совершающихся в них событий, так сильно правдою жизни, так неудержимо увлекают юные сердца.

Но и став знаменитым писателем, любимцем советской детворы, Гайдар не погасил в себе страсти к путешествиям, жадности первооткрытий. Он все время в пути: Он все время в общении с людьми. Он все время в походе, и датами его боевых походов стали теперь уже не битвы, а

книги. «Школу» он пишет в Архангельске, «Дальние страны» — в рыбацьем поселке в Крыму, «Военную тайну» — в таежной избушке на Дальнем Востоке и, наконец, пленительный рассказ «Чук и Гек», который одинаково дорог и детям и взрослым, — в деревне на Оке.

Думается, что вот это постоянное общение с жизнью, с людьми, среди которых Гайдар никогда не наблюдатель, не «человек с биноклем», а активный участник всего происходящего, и сообщило его книгам такую всепокоряющую жизненную силу. Они стали как бы нежалеющими. Уже несколько поколений воспиталось на них. Отец передавал их сыну. Старший брат — брату младшему. А книги не стареют. Они продолжают излучать энергию. Энергию созидания.

Организуемая их сила просто поразительна. Взять знаменитую книгу «Тимур и его команда», воспитывающую в детях патриотизм, человеколюбие, любовь к труду во имя людей. Воспитывает она настолько действительно и увлекательно, что по примеру героя этой книги Тимура во всех республиках страны идет «тимуровское движение», движение скромных и бескорыстных добрых дел, прививающее детям основы морального кодекса коммунизма. Найдется ли в нашей богатой и многообразной литературе пример такой конкретной мобилизующей силы? Может ли быть высшая оценка труду автора?

Гайдар был искренен в своих книгах. Об этом говорят не только первые, но и последние страницы его жизни. В трагические дни Великой Отечественной войны, когда на Советскую

Армию обрушивались удары бронированных полчищ фашизма, он, военный корреспондент, находился в огне боев на Украине. Когда обстановка стала невыносимой, ему предложили эвакуироваться на самолете. Это было естественно: корреспондент есть корреспондент, редакция отзывала его. Автор романтических книг, с мальчишеских лет приученный к дисциплине, первый раз в жизни нарушил приказание. Он остался. Он стал пулеметчиком, а когда сражающаяся часть была разбита и оставшиеся в живых оказались в окружении, он ушел в лес к партизанам.

Недавно в «Юности» был опубликован очерк молодого журналиста, строку за строкой изучившего эту последнюю страницу гайдаровской биографии. Найдены партизаны — его боевые товарищи. Разысканы крестьяне, в чьих хатах он ночевал в последние дни. Собрано много воспоминаний. И из всего, что удалось собрать, вновь возник обаятельный облик высокого человека в гимнастерке, туго перетянутой старым ремнем, человека с широким русским лицом, с русым чубом, с постоянной улыбкой, таившейся в его ясных глазах, с шуткой на губах, с пламенным сердцем и непреклонной волей.

Таким он и увиделся мне тогда, когда мы, обняв головы, стояли на днепровском крутояре у могилы под березами, с которых при малейшем дуновении ветерка тек золотой порхающий лист. Мы стояли возле могилы. Смотрели на букетик полевых цветов, на детские следы, оставленные на заиндевевшей траве, смотрели и думали: а ведь он жив. Аркадий Гайдар, жив в своих книгах, жив в памяти своих читателей, и маленьких и больших.

Жив и никогда не умрет!

Борис ПОЛЕВОЙ.

Травка, 1964, 22 января